

Горячий ветер

Раймонд Чэндлер

Глава 1

С ночи из пустыни задул ветер. Это была сухая горячая Санта Ана, которая врывается вниз через перевалы в горах и от которой закручиваются волосы, зудит кожа, сдают нервы. В такие вечера каждая попойка кончается дракой. Кроткие домохозяйки пробуют лезвия кухонных ножей и поглядывают на шеи своих супругов. Случиться может все что угодно. В баре тебе даже могут налить полный стакан пива.

Я зашел в уютное новое заведение напротив своего дома. Оно уже неделю как открылось, но, похоже, дела там шли неважно. За стойкой стоял парнишка лет двадцати, который, по-видимому, сам в жизни не брал в рот спиртного.

В баре кроме меня был только один посетитель – пьянчуга, сидевший на круглом табурете спиной к двери. Перед ним на стойке высился аккуратный столбик монет по десять центов, всего доллара на два. Он пил хлебный виски маленькими стаканчиками, не разбавляя, и пребывал в своем собственном мире.

Я сел немного подальше у стойки, получил свой стакан пива и сказал:

– Наливаешь по-честному, приятель. Ничего не скажешь.

– Мы только что открылись, – отвечал парнишка. – Набираем клиентуру. Вы у нас не первый раз, мистер?

– Ага.

– Живете поблизости?

– Через улицу – в пансионе «Берглунд», – сообщил я. – Зовут меня Филип Марлоу.

– Спасибо, мистер. А меня – Лю Петролле. – Он перегнулся ко мне через темную полированную стойку. – Знаете этого парня?

– Нет.

– Ему вроде бы пора домой. Надо бы вызвать такси и отправить его. Он уже выпил свою норму на неделю вперед.

– Вечер паршивый, – заметил я. – Оставь его в покое.

– Ему это вредно, – сказал парнишка, нахмурившись.

– Виски! – буркнул пьяница, не подымая глаз. Стучать по стойке он не стал, чтобы не упали его монеты, но зато щелкнул пальцами.

Парнишка взглянул на меня, пожав плечами.

– Налить ему?

– В чей желудок попадет выпивка? Не в мой же.

Парнишка налил ему еще порцию неразбавленного, но, по-моему, все-таки плеснул туда воды, потому что вид у него был такой виноватый, будто он лягнул собственную бабушку. Пьянице было все равно. Он снял со столбика несколько монет, аккуратно, словно хирург, оперирующий опухоль мозга.

Парнишка налил мне еще пива. Снаружи гулял ветер. Время от времени его порывы приоткрывали тяжелую дверь, украшенную цветным стеклом.

Парнишка сказал:

– Во-первых, не люблю пьяных, во-вторых, не люблю, когда они набираются здесь, а в-третьих, не люблю их – во-первых.

– Шутка прямо для голливудского фильма.

– Как раз оттуда.

Тут-то и появился еще один клиент. На улице взвизгнули тормоза, и дверь распахнулась. Вошедший, казалось, торопился. Он придержал дверь и быстро обшарил бар невыразительными темными глазами. Он был хорошо сложен, смугл, недурен собой, если вам нравятся узкие лица с плотно сжатыми губами. Одет он был в темноте, из нагрудного кармана кокетливо выглядывал белый платок.

Казался спокойным, но в то же время как бы напряженным. Я решил, что это от горячего ветра. Я и сам себя так же чувствовал.

Вошедший взглянул на пьяницу. Тот играл в шашки пустыми стаканчиками.

Новый посетитель посмотрел на меня, потом на столики в открытых кабинках напротив. Все они были пусты. Он прошел мимо пьяницы, который раскачивался и бубнил что-то себе под нос, и обратился к парнишке:

– Не видал здесь леди, приятель? Высокая, симпатичная, каштановые волосы, платье из синего шелкового крепа, сверху жакет из набивной

ткани, типа «фигаро». Соломенная шляпа с широкими полями и бархатной лентой. – У него был натужный голос, который мне не понравился.

– Нет, сэр. Таких здесь не было, – сказал парнишка.

– Спасибо. Неразбавленный виски. И побыстрее.

Парнишка налил ему, человек заплатил, осушил стакан одним глотком и пошел к выходу. Через три-четыре шага он остановился и оказался лицом к лицу с пьяницей. Пьяница ухмыльнулся и тотчас извлек откуда-то пистолет – так быстро, что тот мелькнул перед нами смазанным пятном. Держал он его крепко и был на вид уже не пьянее меня. Высокий смуглый парень стоял не шевелясь, потом чуть отшатнулся и снова замер.

По улице промчалась машина. Пистолет у пьяницы был автоматический, двадцать второго калибра. Он жестко хлопнул пару раз, и из дула показался дымок – совсем маленькое колечко.

– Пока, Уолдо, – сказал пьяница.

Потом он перевел пистолет на бармена и меня.

Смуглый парень падал целую неделю. Он зашатался, обхватил себя одной рукой, взмахнул другой, снова зашатался. С него упала шляпа, а потом он свалился ничком и застыл на полу, словно отлитый из бетона.

Пьяница соскользнул с табурета, смахнул свои монетки в карман и отскочил к двери. Он отходил боком, держа нас на прицеле. У меня оружия не было. Не думал, что оно понадобится, чтобы выпить стакан пива. Парнишка за стойкой, как и я, не пошевелился и не издал ни звука.

Пьяница, не сводя с нас глаз, осторожно толкнул дверь плечом, потом распахнул ее спиной. Порыв ветра приподнял волосы лежавшего на полу человека. Пьяница сказал:

– Бедный Уолдо. Пустил я ему кровь из носу.

Дверь захлопнулась. Я кинулся к ней – по старой привычке делать то, чего не надо. Но в этом уже не было смысла. Снаружи взревел мотор, и когда я очутился на улице, красное расплывчатое пятно хвостового фонаря уже скрывалось за углом. Я прозевал номер машины, как в свое время шанс нажить свой первый миллион.

На улице, как обычно, было полно машин и людей. Все вели себя так, словно не слышали никаких выстрелов. Впрочем, если кто и слышал, то за шумом ветра хлопки двадцатидвухкалиберного пистолета могли показаться стуком двери. Я вернулся в бар.

Парнишка по-прежнему стоял, слегка опершись о стойку и глядя вниз, на спину лежащего человека. Тот тоже не двигался. Я наклонился и потрогал его шейную артерию. Больше ему не придется двигаться – никогда.

Лицо у парнишки было не выразительнее бифштекса, да и цвета примерно такого же. Казалось, он скорее рассержен, чем потрясен.

Я закурил сигарету, пустил дым в потолок и сказал ему:

– Иди звони.

– Может, он еще живой, – возразил парнишка.

– Из двадцать второго калибра стреляют наверняка.

Где телефон?

– У меня нет. И без него расходов по горло. Эх, погорели мои восемьсот долларов!

– Ты владелец бара?

– Был до сих пор.

Он стянул с себя белую куртку и передник и вышел из-за стойки.

– Запираю дверь, – сказал он, доставая ключи.

Он вышел на улицу, плотно закрыл дверь и повозился: снаружи. Щелкнул замок. Я нагнулся и перевернул Уолдо. Сперва я даже не разглядел, куда вошли пули. Потом увидел. Пара крошечных дырочек в пиджаке, повыше сердца. Крови на рубашке было немного.

Этому пьянице цены не было – как убийце.

Патрульная машина появилась через восемь минут. Парнишка, Лю Петролле, к тому времени снова стоял за стойкой в своей белой куртке, считал деньги в кассе, рассовывал их по карманам и делал пометки в записной книжечке.

Я сидел на перилах кабинки, курил и смотрел, как заостряется и становится восковым лицо Уолдо. Я размышлял о том, кем была эта женщина в жакете из набивной ткани, почему Уолдо не выключил мотор своей машины, почему он торопился и поджидал ли его здесь пьяница или случайно оказался на месте.

Вошли ребята из патруля – потные дюжие парни. У одного из-под фуражки торчал цветок, а сама фуражка сидела слегка набекрень. Увидев мертвеца, он вынул цветок и наклонился пощупать пульс Уолдо.

– Вроде мертвый, – сказал он и слегка повернул неподвижное тело. – Ага, вот и входные отверстия. Славная работенка. Вы оба видели, как это случилось?

Я сказал «да». Парнишка за стойкой промолчал. Я рассказал им, как было дело и что убийца вроде бы уехал в машине Уолдо.

Полицейский извлек бумажник Уолдо, быстро его просмотрел и свистнул.

– Денег полно и нет водительских прав. – Он отложил бумажник в сторону. О'кей, значит, мы его не трогали, понятно? Просто хотели узнать, была ли у него машина, и сообщить по радио.

– Черта с два вы его не трогали, – сказал Лю Петролле.

Полисмен одарил его тем еще взглядом.

– Ладно, приятель, – согласился он. – Мы его трогали.

Парень взял чистый стакан и принялся его протирать – так и тер до нашего ухода.

Через минуту послышалась сирена спецмашины из отдела по расследованию убийств. У входа взвизгнули тормоза, и вошли четверо – двое полицейских в штатском, фотограф и сотрудник лаборатории. Тех, что в штатском, я не знал.

В большом городе можно долго заниматься сыскным делом и так и не познакомиться со всеми детективами.

Один из них был невысокий, смуглый человек, спокойный и улыбочивый, с черными вьющимися волосами и мягким умным взглядом. Второй – крупный, широкий в кости, с тяжелой челюстью. Нос у него был в прожилках, глаза стеклянные. Похоже, любитель заложить за галстук. Вид у него был свирепый, но мне показалось, что он больше хорохорится. Он загнал меня в крайнюю кабинку у стены, его напарник вызвал парнишку из-за стойки, а патрульные ушли. Специалист по отпечаткам пальцев и фотограф принялись за работу.

Приехал полицейский врач. Он рассвирепел, узнав, что здесь не оказалось телефона для вызова машины из морга, и тут же уехал.

Невысокий сыщик вытащил все, что было в карманах и бумажнике Уолдо, и разложил на большом носовом платке, расстеленном на столике в кабинке. Я увидел кучу денег, ключи, сигареты, еще один платок – вот, пожалуй, и все.

– Выкладывай, как было дело, – сказал мне свирепый сыщик. – Я лейтенант Коперник.

Я положил перед ним свой бумажник. Он взглянул на него, перебрал его содержимое, бросил бумажник обратно, сделал пометку в книжечке.

– Филип Марлоу, так? Частный сыщик. Был здесь по делу?

– По важному делу, – выпить хотел, – ответил я. Живу прямо напротив, в «Берглунде».

– Парнишку этого знаете?

– Был здесь всего раз с той поры, как он открыл бар.

– Ничего в нем такого не заметили?

– Нет.

– Молодой парень, а слишком легко ко всему отнесся, верно? Можете не отвечать. Рассказывайте по делу.

Я рассказал – три раза подряд. Один раз, чтобы он усвоил в общих чертах, другой – чтобы он усвоил подробности, и третий – чтобы он проверил, не слишком ли гладко у меня все получается. В конце он заметил:

– Интересует меня эта дамочка. И убийца назвал этого Уолдо по имени, но вроде не ожидал, что он здесь окажется. То есть – если сам Уолдо не был уверен, что сюда заглянет дамочка, то никто не мог ожидать, что и Уолдо здесь окажется.

– Глубокая мысль, – сказал я.

Он присмотрелся ко мне. Я не улыбался.

– Похоже на убийство из ненависти, так? Похоже, что заранее не задумано и удрал чисто случайно. У нас в городе машины открытыми мало кто оставляет.

И убийцы не работают при двух свидетелях. Не нравится мне это.

– Мне не нравится быть свидетелем, – сказал я. – Платят мало.

Он ухмыльнулся. Зубы у него были какие-то крапчатые.

– Убийца на самом деле был пьян?

– Чтобы пьяный так стрелял? Нет уж.

– Вот и по-моему тоже. Что ж, дело несложное. Этот парень наверняка где-то числится, а отпечатков он оставил полно. Если даже у нас в городе не отыщется его фотография, все равно через несколько часов опознаем. У него против Уолдо что-то было, но сегодня встречаться они не собирались. Уолдо просто заскочил узнать насчет дамочки, с которой назначил свидание. Ветер какой жаркий – у нее весь грим небось потек. Наверное, зашла куда-нибудь подкраситься, вот они и разминулись. А убийца всаживает и Уолдо парочку пуль и смывается, а на вас, ребята, ему плевать. Все просто.

– Проще некуда, – ответил я.

– Так просто, что ни к черту не годится, – сказал Коперник.

Он снял фетровую шляпу, взъерошил жидкие светлые волосы и подпер руками подбородок. У него было длинное неприятное лошадиное лицо. Он вынул платок, промокнул им лоб, потом вытер затылок и руки, достал гребенку и причесался, отчего стал выглядеть еще хуже, затем снова надел шляпу.

– Я тут подумал... – начал я.

– Да? И что?

– Этот Уолдо точно знал, как была одета женщина. Значит, он ее уже видел сегодня.

– Ну и что из этого? Может, ему в сортир понадобилось. Вернулся – а ее уже нет. Может, она насчет него вообще передумала.

– Это верно, – согласился я.

Но думал я совсем не о том. Этот Уолдо описал одежду женщины так, как не сумеет обычный мужчина: жакет типа «фигаро» из набивной ткани поверх синего платья из шелкового крепа. Я не знал даже, что такое жакет типа «фигаро». Я мог бы сказать «синее платье» или даже – «синее шелковое платье», но ни за что – «синее платье из шелкового крепа».

Все мы отправились в полицию.

С Лю Петролле все оказалось в порядке. У его отца был виноградник возле Антиоха в округе Контра Коста. Отец дал сыну тысячу долларов на собственное дело, Лю и открыл этот бар, с неоновой вывеской – все как полагается.

Его отпустили, но не велели открывать бар, пока не решат, будут ли там еще искать отпечатки пальцев. Лю, улыбаясь, жал всем подряд руки. Он

не скрывал, что убийство в баре может пойти на пользу его бизнесу: люди станут приходить послушать его рассказ, а заодно и выпивку закажут, – Уж этот беспокоиться не станет, – заметил Коперник, когда Лю ушел. – За других, конечно.

– Бедный Уолдо, – сказал я. – Отпечатки есть?

– Немножко размазаны, – ответил Коперник. – Но все равно разберемся, сегодня же отправим их фототелеграфом в Вашингтон.

Я пожал руки ему и его напарнику, которого звали Ибарра, и ушел.

Глава 2

Около девяти вечера я подошел к своему дому. Прежде чем войти в «Берглунд», я оглянулся по сторонам. Окна бара напротив были темными, к стеклам прилипли носами двое зевак. Люди, должно быть, видели, как приезжала полиция, машина из морга, но не знали, что здесь случилось. В курсе были только ребята, которые толкуются в аптеке на углу у игровых автоматов.

Эти-то знают все, кроме того, как удержаться на работе.

Ветер, горячий, как из духовки, по-прежнему мел вдоль стен пыль и рваную бумагу.

Я вошел в вестибюль своего дома и поднялся на лифте на четвертый этаж.

Выходя из кабины, я увидел высокую девушку.

У нее были волнистые каштановые волосы, спрятанные под соломенную шляпу с широкими полями и бархатной лентой, синие глазищи и ресницы чуть ли не до подбородка. Платье на ней тоже было синим – возможно, из шелкового крепа, простого покроя, но все изгибы фигуры облегало как надо. Сверху была накинута штука, которая вполне могла сойти за жакет типа «фигаро» из набивной ткани.

Я спросил:

– Это жакет «фигаро»?

Она скользнула по мне взглядом и сделала такое движение, словно отодвигала от себя паутину.

– Да. Извините... Я очень спешу. Позвольте... Я не двинулся, загораживая дверь лифта. Мы уставились друг на друга, она медленно начала краснеть.

– Вам в этом туалете лучше на улицу не выходить, – сообщил я.

– Да как вы смеете...

В голосе у нее не было нахальной гнусавости, как у вертихвосток из пивных баров. Он звучал мягко и тихо, словно весенний дождь.

Лифт лязгнул и пошел вниз.

– Як вам не пристаю, – сказал я. – Вы попали в беду. Если они сейчас поднимутся сюда на лифте, вы еще успеете убежать по коридору. Только сперва снимите шляпу и жакет – живо!

Она не шевельнулась. Грим у нее на лице был наложен не густо, и мне показалось, что она слегка побледнела.

– Полиция ищет вас по этой одежде, – объяснил я. – Дайте мне возможность, я все расскажу.

Она быстро оглянулась. Потом попробовала меня отодвинуть, но я не обиделся – с ее внешностью можно было себе такое позволить.

– Кем бы вы ни были, вы нахал! Я мисс Лерой из тридцать первой квартиры и уверяю вас...

– Тогда вы не на своем этаже, – сказал я. – Это четвертый.

Лифт остановился. Слышно было, как внизу открывают двери.

– Пошли! – бросил я. – Скорее!

Она быстро сдернула шляпу и выскользнула из жакета «фигаро». Я скомкал их и сунул под мышку, взял ее под руку, и мы пустились по коридору.

– Я живу в сорок второй. Решайтесь. Повторяю – я к вам не пристаю.

Она пригладила волосы быстрым птичьим движением. Десять тысяч лет практики стоят за этим жестом.

– Ко мне, – сказала она, подхватила сумку под мышку и почти побежала по коридору. Лифт остановился этажом ниже. Она тотчас остановилась тоже и обернулась ко мне.

– Лестница сзади, за шахтой лифта, – мягко напомнил я.

– Я здесь не живу, – произнесла она.

– Я так и думал.

– Меня ищут?

– Да, но переворачивать здесь каждый камень они начнут только завтра. И то если не опознают Уолдо. Она уставилась на меня.

– Уолдо?

– Ах, вы не знакомы с Уолдо?

Она медленно покачала головой. Лифт снова пошел вниз. В ее синих глазах мелькнул ужас.

– Нет, – еле выдохнула она. – Уведите меня отсюда.

Мы уже стояли возле моей двери. Я вынул ключ, повертел им в замке и распахнул дверь. Дотянулся до выключателя и зажег свет. Она скользнула мимо меня, словно волна. В воздухе поплыл слабый аромат сандалового дерева.

Я захлопнул дверь, бросил свою шляпу на кресло, а девушка подошла к столику, на котором я оставил нерешенную шахматную задачу. Теперь, в квартире, за запертой дверью, ее страх испарился.

– Значит, вы играете в шахматы, – сказала она настороженно.

Тут мы оба застыли и стали прислушиваться: хлопнула дверь лифта, слышались шаги. Потом они стали затихать – кто-то протопал в другую сторону.

Я усмехнулся, чтобы скрыть напряжение, пошел в кухню, стал возиться со стаканами и тут обнаружил, что все еще держу под мышкой ее шляпу и жакет.

Я вошел в гардеробную и сунул вещи в ящик шкафа. Потом вернулся в кухню и извлек из тайника бутылку хорошего шотландского виски.

Когда я вошел обратно, в руке у нее был пистолет Небольшой, с перламутровой рукояткой. Она навела его на меня, и во взгляде ее был панический страх.

Я остановился – руки у меня были заняты стаканами – и сказал:

– Может, и вы сошли с ума от этого горячего ветра. Я частный сыщик.

Могу доказать, если позволите.

Она слегка кивнула, лицо у нее было белое как мел. Я медленно приблизился, поставил стакан рядом с ней, отошел, поставил свой и достал визитную карточку. Девушка сидела, разглаживая платье на колене левой рукой и все еще держа пистолет в правой. Я положил карточку возле ее стакана и сел.

– Никогда не позволяйте мужчинам подходить к вам так близко, – сказал я. – Если настроены серьезно. И еще – у вас пистолет на предохранителе.

Она вздрогнула и сунула пистолет в сумку. Отпила полстакана одним духом, решительно поставила его и взяла карточку.

– Я не всех угощаю этим виски, – заметил я. – Дорогое удовольствие.

Девушка скривила губы.

– Так и думала, что вы заговорите о деньгах.

– Чего-чего?

Она не ответила. Рука ее снова подползла к сумке.

– Не забудьте про предохранитель, – напомнил я. Рука застыла. Я продолжал:

– Парень, которого я назвал Уолдо, – довольно высокий, примерно шесть футов, худой, смуглый, глаза карие, блестящие. Нос узкий, губы слишком тонкие. Темный костюм, в нагрудном кармане белый платочек. Искал вас, очень спешил. Напоминает вам кого-нибудь?

Она снова взяла стакан.

– Так вот кто такой Уолдо, – сказала она. – Ну, и что с ним такое?

Мне почудилось, что язык у нее уже слегка заплетается от выпитого.

– Вот какая штука. Здесь у нас напротив бар... Слушайте, а где вы были весь вечер?

– Почти все время, – сообщила она холодно, – сидела У себя в машине.

– И не заметили на той стороне никакой суматохи?

– Я поняла – что-то случилось. Видела полицейских, машины с мигалкой.

Решила, что с кем-то несчастье, – Верно решили. А перед этим Уолдо вас искал. В баре. Подробно рассказал, как вы выглядите и как одеты.

Глаза у нее застыли и потеряли всякое выражение, губы задрожали, и она не могла унять дрожь.

– Я был в баре, – объяснил я, – болтал с хозяином, молодым парнишкой.

Никого там не было, кроме какого-то пьяного у стойки, хозяина и меня. Потом вошел Уолдо, спросил про вас. Мы ответили, что никого похожего не видели, и он собрался уходить.

Я пригубил стакан. Как всякий рассказчик, люблю драматические эффекты.

Она впилась в меня взглядом.

– Собрался, значит, уходить. Тут этот пьяный, который ни на что не реагировал, назвал его по имени и выхватил пистолет. Выстрелил в него дважды... – Я прищелкнул пальцами. – Вот так. И наповал.

Она засмеялась мне в лицо.

– Значит, мой муж нанял вас за мной шпионить, – сказала она. – Могла бы догадаться, что все это подстроено. Вы и ваш Уолдо.

Я смотрел на нее, разинув рот.

– Никогда бы не подумала, что он ревнует, – бросила она. – И к кому – к нашему бывшему шоферу! Ну, пускай, к Стэну – это естественно. Но к Джозефу Котсу...

Я пожал плечами.

– Мадам, кто-то из нас тычет пальцем в небо, – буркнул я. – Не знаю никакого Стэна или Джозефа Котса. Ей-богу, не знал даже, что у вас был шофер. У нас здесь они не водятся. Что касается мужей – эти иногда попадают. И то не часто.

Она медленно покачала головой, держа руку поближе к сумке, а в синих глазах вспыхнули огоньки.

– Плохо играете, мистер Марлоу. Совсем неубедительно. Знаю я вас, частных сыщиков. Все вы гнусные типы. Заманили меня обманом к себе в квартиру – если это ваша квартира. Вернее всего, это квартира какого-нибудь мерзавца, который за несколько долларов покажет на кого угодно.

Теперь пытаетесь меня запугать. Шантажируете меня, да еще и с мужа деньги возьмете.

Хорошо, – закончила она, задыхаясь, – сколько с меня?

Я отставил пустой стакан и откинулся в кресле.

– Позвольте, я закурю, – сказал я. – Нервишки расшалились.

Я закурил, а девушка наблюдала за мной, и в ней не чувствовалось страха, за которым обычно скрывается серьезная вина.

– Значит, его зовут Джозеф Котс, – сказал я. – Парень, который убил его в баре, назвал его Уолдо.

Она улыбнулась – с презрением, но почти снисходительно.

– Не тяните. Сколько вы просите?

– Зачем вы пытались встретиться с этим Джозефом Котсом?

– Хотела выкупить одну вещь, которую он у меня украл. Это вещь ценная и в обычном смысле. Стоит около пятнадцати тысяч долларов. Мне подарил ее человек, которого я любила. Он умер. Вот! Погиб в горящем самолете. А теперь бегите с доносом к моему мужу, грязная мерзкая крыса!

– Не грязная и не крыса, – заметил я.

– Все равно мерзкая. И можете не трудиться, я все скажу мужу сама.

Впрочем, он, наверное, и так знает. Я усмехнулся.

– Ловко. Так для чего же, по-вашему, он меня нанял? Она схватила стакан и одним глотком осушила его.

– Значит, он считает, что я встречаюсь с Джозефом. Что ж, может, так оно и было. Но не для любви же. С шофером! С подонком, которого я подобрала на улице, которому дала работу. Если бы мне захотелось поразвлечься, я не стала бы так опускаться.

– Уж это точно, – подтвердил я.

– А теперь я ухожу, – заявила она. – Попробуйте только меня удержать.

Она выхватила из сумки пистолет с перламутровой рукояткой. Я не шелохнулся.

– Ах вы, мерзкое ничтожество! – набросилась на меня она. – Откуда я вообще знаю, что вы частный сыщик? Может быть, вы жулик. Эта ваша карточка ничего не значит. Их кто угодно может заказать.

– Конечно, – согласился я. – И, наверно, я до того хитер, что нарочно прожил здесь целых два года – все дожидался, когда в один прекрасный день вы появитесь и я смогу вас шантажировать, поскольку вы не встретились с человеком по имени Джозеф Котс, которого пристукнули сегодня в баре под именем Уолдо. У вас есть деньги на выкуп этой вещи, которая стоит пятнадцать кусков?

– Ага! Вы, значит, собираетесь меня ограбить!

– Ага! – передразнил я ее, – Теперь, значит, я уже и грабитель? Мадам, да спрячьте вы, пожалуйста, свой пистолет или уж снимите его с предохранителя. Я же сыщик, и у меня душа болит при виде такого издевательства над приличным оружием.

– До чего же вы мне отвратительны, – бросила она. – Убирайтесь с дороги.

Я не шевельнулся. Она тоже. Оба мы продолжали сидеть – все на том же расстоянии друг от друга.

– Пока вы не ушли, откройте мне одну тайну, – попросил я. – Какого черта вы сняли квартиру внизу? Вы же собирались встретиться с этим парнем на улице?

– Не говорите глупостей, – отрезала она. – Я не снимала здесь квартиры. Я солгала. Это его квартира.

– Джозефа Котса? Она кивнула.

– Похож Уолдо по моему описанию на Джозефа Котса?

Снова резкий кивок.

– Ладно. Наконец установили хоть один факт. Вы разве не понимаете, что Уолдо, прежде чем его застрелили, искал вас в баре, рассказал, как вы одеты, и это описание передано в полицию? Полиция не знает, кто такой Уолдо, и ищет вас. Неужели все это так трудно сообразить?

Пистолет у нее в руке внезапно затрясся. Она посмотрела на него каким-то отсутствующим взглядом и медленно убрала в сумку.

– Я дура, – прошептала она, – что вообще с вами разговариваю. – Она долго не сводила с меня глаз, потом глубоко вздохнула. – Он назвал мне свой адрес.

Казалось, ничего не боялся. Наверно, все шантажисты такие. Он должен был встретить меня на улице, но я опоздала. А когда приехала, крутом было полно полицейских. Тогда я вернулась к машине и немного в ней посидела. Потом поднялась, постучала в квартиру Джозефа. Потом опять пошла ждать в машину. Я приходила к нему целых три раза.

Последний раз поднялась на четвертый этаж, чтобы вызвать оттуда лифт. На третьем меня уже два раза видели. И встретила вас. Вот и все.

– Вы что-то говорили насчет мужа, – буркнул я. – Где он?

– На совещании.

– Ах, на совещании, – язвительно заметил я.

– Мой муж занимает крупный пост, У него часто бывают совещания. Он гидроинженер. Ездит по всему свету. Он...

– Не напрягайтесь, – сказал я. – Как-нибудь приглашу его пообедать, и он мне сам расскажет. То, чем Джозеф хотел вас припугнуть, умерло с ним.

– Скажите, он действительно умер? – прошептала она. – Он мертв?

– Он умер, – сказал я. – Умер, умер, умер. Да, мадам, он умер.

Наконец-то она в это поверила. А я почему-то думал, что не поверит никогда. В тишине стало слышно, как у меня на этаже опять остановился лифт.

Послышались шаги. У всех у нас бывают предчувствия. Я приложил палец к губам. Женщина замерла, лицо ее застыло. Большие синие глаза стали темными, как залегшие под ними тени. Горячий ветер бился в закрытые окна. Когда дует Сайта Ана, их приходится закрывать, даже когда жарко.

Обычные шаги спокойного человека. Но замерли они как раз у моей двери.

Кто-то постучал.

Я кивнул на дверь в гардеробную за откидной кроватью. Женщина бесшумно встала, прижимая сумку к боку. Я показал на ее стакан. Она быстро забрала его, скользнула по ковру к двери и тихо прикрыла ее за собой.

Непонятно, зачем я ввязался во все это...

Стук повторился. Руки у меня были влажные. Я нарочно заскрипел стулом, встал и громко зевнул. Потом я пошел и открыл дверь, не взяв оружия. Как оказалось, это была ошибка.

Глава 3

Сперва я его не узнал.

За стойкой бара он сидел в шляпе, теперь он был с непокрытой головой.

Над венчиком волос была натянута жесткая белая сухая кожа, блестящая, точно шрам. Он не просто выглядел на двадцать лет старше, это был другой человек.

Но пистолет в его руке я сразу узнал – тот самый – двадцать второго калибра. И глаза: яркие, настороженные, пустые, как у ящерицы.

Он поднес пистолет к моему лицу и сказал сквозь зубы:

– Да, это я. Давай зайдём.

Я попятился и остановился. Страх парализовал меня.

Закрыв за собой дверь, он заставил меня медленно отступить еще немного, пока я на что-то не наткнулся. Он смотрел мне прямо в глаза.

– Этот столик... – выговорил он. – Какой-то болван играет здесь в шахматы. Ты, что ли? Я проглотил слюну.

– Я не играю. Так, забавляюсь.

– Для игры нужны двое, – сказал он хрипло и сдавленно, словно когда-то на допросе полицейский врезал ему дубинкой по горлу.

– Это не игра, – попытался объяснить я. – Просто задача. Смотри, как стоят фигуры.

– Я в этом не разбираюсь.

– В общем, я здесь один, – сказал я.

– Какая разница, – откликнулся он. – Мне все равно кранты. Кто-нибудь на меня стукнет – не завтра, так на той неделе, один черт. Мне просто твоя фотокарточка не понравилась, приятель. И этот смазливый педик в белой курточке, в баре. Я таких, как вы, в гробу видал.

Я не ответил и не шевельнулся. Ствол пистолета легко, почти ласково, царапнул меня по щеке. Человек улыбнулся.

– Да это и для дела неплохо, – сообщил он. – На всякий случай. Я птица стреляная, отпечатков не оставляю, против меня только и есть, что два свидетеля. Ну и к чертовой матери вас обоих.

– Что тебе сделал Уолдо? – Я попытался спросить так, словно мне и вправду интересно. На самом деле я хотел только унять дрожь в коленках.

– Раскололся, когда мы взяли банк в Мичигане, упек меня на четыре года.

А с него за это обвинение сняли. Четыре года в Мичигане – это тебе не курорт. В штатах, где дают пожизненное, с тобой не цацкаются.

– Как ты узнал, что он здесь? – просипел я.

– Я не знал. То есть вообще-то я его искал. Больно хотелось повидаться.

Позавчера вечером углядел его на улице, но он смылся. Тут-то я и стал его искать. Он хитрый, Уолдо. Как он там?

– Умер, – сказал я.

– Гожусь еще, – хмыкнул он. – Что пьяный, что трезвый. Ладно, мне это теперь без разницы. Они как, опознали меня уже?

Я задержался с ответом. Он ткнул пистолетом мне в горло, я задохнулся и инстинктивно едва не ухватился за ствол.

– Ну-ну, – предупредил он меня. – Без фокусов. Не совсем же ты дурак.

Я опустил руки по швам и вывернул их ладонями к нему. Так надо. Хотя ему как будто было все равно, есть у меня оружие или нет. Это означало, что он уже все решил заранее.

Видимо, ему вообще на все было наплевать, раз он снова появился в этом квартале. Может быть, так на него действовал горячий ветер.

– У них есть твои отпечатки пальцев, – сказал я. – Не знаю только, четкие ли.

– Сойдут... Но по фототелеграфу их не передашь. Для проверки придется отправлять самолетом в Вашингтон, потом обратно. Так зачем я сюда пришел, приятель?

– Ты слышал, как мы болтали с парнишкой в баре. Я ведь назвал себя и говорил, где живу.

– Это ты объясняешь, как я сюда попал. А я спрашиваю – зачем. – Он улыбнулся мне. Паршивая улыбка, особенно если для тебя она последняя, которую видишь в жизни.

– Кончай ты, – отозвался я. – Палач не просит угадывать, зачем приходит.

– Смотри, какой храбрый. После тебя наведуясь и к этому пареньку. Я его проследил из полиции до дому, но решил, что первым будешь ты. Ехал за ним от управления в машине, которую Уолдо взял напрокат. От самой полиции ехал, приятель. Ну и дураки же эти сыщики. Сидишь у них прямо под носом – в жизни тебя не узнают. Побежишь за трамваем – тут они начнут палить и сковырнут пару прохожих, таксиста, который дрыхнет в машине, и старуху уборщицу, что моет пол на втором этаже. А в того, за кем гонятся, ни за что не попадут.

Дураки чертовы.

Он нажал дулом мне на шею. Глаза у него стали еще безумнее.

– У меня время есть, – сказал он. – Машину Уолдо взял напрокат – ее не скоро хватятся. Да и про Уолдо не скоро разнюхают. Я его знаю. Хитрюга был.

Ловкий малый, Уолдо.

– Меня вырвет, – сказал я, – если ты не уберешь пушку от горла.

Он улыбнулся и ткнул пистолет мне в грудь, где сердце.

– Так лучше! Давай сам командуй!

Тут я вдруг заметил, что между дверью гардеробной и стеной появилась щелка. Она расширилась до дюйма, потом до четырех. Я увидел ее глаза, но сразу отвел свой взгляд и уставился в глаза лысому. Очень твердо – чтобы он от меня не отвернулся.

– Боишься? – ласково спросил он.

Я налег на его пистолет и стал трястись. Ему должно нравиться, когда я дрожу. Девушка появилась из-за двери с пистолетом в руке. Жалко мне ее было до чертиков. Сейчас побежит или завопит. В любом случае – крышка нам обоим, – Чего тянешь? – проблеял я и услышал свой голос будто издалека.

– Нравится мне, приятель, – улыбнулся он. – Такой уж я.

Где-то позади него маячила девушка. Невероятно, чтобы человек мог двигаться так бесшумно. Но что толку? Он и с ней церемониться не станет.

– А вдруг я закричу, – сказал я, – Интересно, – отозвался убийца и ухмыльнулся. – Давай, покричи.

Девушка не пошла к двери. Теперь она была прямо у него за спиной.

– Что ж, возьму и закричу, – сказал я.

Словно по сигналу, она без единого звука ткнула своим пистолетиком ему в ребра.

Это было как коленный рефлекс. Он разинул рот, вскинул руки и чуть выгнул спину. Пистолет глядел мне прямо в правый глаз.

Я сделал нырок и изо всех сил дал ему в пах коленом. Он пригнул голову, и я ударил в подбородок – словно забивал последний костыль трансконтинентальной железной дороги.

Ствол царапнул меня по щеке, но выстрела не последовало. Хрипя, лысый свалился на левый бок. Я лягнул его в правое плечо – как следует. Пистолет выпал у него из руки, залетел под стул. Где-то сзади меня раздался стук падающих шахматных фигур.

Девушка стояла над убийцей и глядела на него. Потом она подняла голову, и ее испуганные глаза встретились с моими.

– Я ваш, – сказал я. – Все, что мне принадлежит, теперь ваше – отныне и навеки.

Она меня не слышала. С пистолетиком в руке она быстро попятилась к двери, нащупала позади себя ручку и резко ее повернула. Потянула дверь на себя и выскользнула вон.

Дверь захлопнулась.

Она ушла без шляпы и без жакета «фигаро».

Несмотря на ветер, в комнате было тихо. Потом я услышал, как человек на полу хватается ртом воздух. Лицо у него стало зеленовато-бледным. Я зашел сзади и ощупал его – нет ли еще оружия, но ничего не нашел. Из ящика стола я достал пару наручников и, вытянув ему руки вперед, защелкнул их на запястьях.

Он корчился от боли, но взглядом снимал с меня мерку для гроба. Лежал он, как свалился, на левом боку – скрюченный, иссохший, лысый человечек, и скалился, показывая зубы, все в дешевых пломбах. Дыхание его то и дело прерывалось.

Я пошел в гардеробную и открыл ящик. Там, на белье, лежали ее шляпа и жакет. Я задвинул их вниз, подальше, и заложил рубашками. Потом вошел в кухню, налил хорошую порцию виски, проглотил ее и постоял, слушая, как завывает за стеклом горячий ветер. Где-то хлопнула

дверь гаража, провисший между изоляторами электрический провод хлестнул по стене дома, будто выбивали ковер.

Я вернулся в гостиную и открыл окно, чтобы выветрился запах духов моей спасительницы. Потом закрыл окно и стал звонить в полицию.

Коперник был на месте, отозвался своим нагловатым голосом:

– Алло! Марлоу? Сейчас угадаю – тебе в голову пришла идея. Так?

– Убийцу установили?

– Не положено рассказывать, Марлоу. Ты уж прости. Сам знаешь.

– Ладно. Мне плевать, кто он такой. Только он валяется у меня дома на полу. Приезжайте и заберите.

– Мать честная! – заорал Коперник. Потом он взял на полтона ниже. Погоди-ка минутку. Погоди. – Я услышал, как там у него как будто прикрывают дверь. Потом снова раздался его голос. – Выкладывай, – сказал он негромко.

– Он в наручниках, – сообщил я. – В вашем распоряжении. Пришлось дать ему раз коленом, но он очухается. Пришел ко мне, чтобы убраться свидетеля.

Снова пауза. Голос стал медоточивым.

– Слушай-ка, парень, кто с тобой его брал?

– Как кто? Никто. Один я.

– Пусть так и будет, парень. Без шума. О'кей?

– Думаете, я всех окрестных подонков созову сюда на экскурсию?

– Не волнуйся, парень. Тихо. Сиди на месте. Считаю, что я уже у тебя.

Не трогай ничего. Ясно?

– Ага. – Я снова дал ему свой адрес.

Легко было представить, как сияет его лошадиная физиономия. Я достал из-под стула пистолет и сел, держа его в руке. Вскоре по коридору загромыхали шаги, и костяшки пальцев выбили о дверь тихую дробь.

Коперник был один. Он возник в дверном проеме, с ухмылкой толкнул меня в комнату и закрыл дверь. Встал к ней спиной, держа руку слева под пиджаком.

Крупный костистый человек с пустыми жестокими глазами.

Он медленно перевел взгляд на лежащего человека. У того слегка подергивалась шея, глаза были выпучены, как у краба.

– Уверен, что это он и есть? – Голос у Коперника был хриплый.

– Абсолютно. Где Ибарра?

– Занят. – Это он сказал, отведя глаза. – Наручники твои?

– Ага.

– Ключ.

Я бросил ему ключ. Он быстро опустился рядом с убийцей на одно колено, снял с него мои наручники, отшвырнул их прочь. Достал с бедра свои, заломил лысому руки назад и защелкнул на них наручники.

– Сволочь, – без выражения произнес убийца.

Коперник усмехнулся, сжал кулак и со страшной силой ударил скованного человека прямо в лицо. Голова у того дернулась назад так, что, казалось, переломится шея. Из угла рта потекла кровь.

– Давай полотенце, – приказал Коперник.

Я достал полотенце и передал ему. Он со злобой втиснул его пленнику между зубов, встал и пригладил костлявыми пальцами жидкие светлые волосы.

– Так. Докладывай.

Я доложил – ни словом не упомянув о женщине. Рассказ получился странноватый. Коперник молча разглядывал меня, потирая покрытый прожилками нос. Потом достал гребенку и занялся волосами, точь-в-точь как раньше в баре.

Я отдал ему пистолет. Он небрежно взглянул на него и сунул в боковой карман. В глазах у него что-то мелькнуло, и губы растянулись в кривую усмешку.

Я нагнулся, стал собирать шахматы и складывать их в коробку. Поставил коробку на камин, выпрямил ножку столика, немного еще повозился. Все это время Коперник наблюдал за мной. Я ждал, додумается ли он до чего-нибудь.

Наконец его прорвало.

– Этот парень ходит с двадцать вторым калибром, – сказал он. – Вроде бы ему другого и не нужно. Значит, он в своем деле мастак. Он стучится к тебе в дверь, сует пушку тебе в брюхо, вталкивает тебя в комнату, говорит, что пришел, чтобы навсегда заткнуть тебе рот, – и все же ты его одолевашь.

Безоружный. В одиночку. Ты, парень, видать, и сам мастак.

– Слушай, – сказал я и взглянул на пол. Подобрал еще одну шахматную фигурку и стал вертеть ее в пальцах. – я решал шахматную задачу. Пытался забыть все, что случилось.

– Что-то ты затаил, приятель, – вкрадчиво произнес Коперник. – Ты ведь не станешь врать старому фараону, а, парень?

– Первоклассное задержание – я же тебе его дарю, – сказал я. – Какого черта тебе еще надо?

Человек на полу промычал что-то сквозь полотенце. Его лысая голова блестела от пота.

– В чем дело, приятель? Скрываешь что-то? – почти прошептал Коперник.

Я быстро взглянул на него и отвернулся.

– Ладно, – сказал я. – Ты чертовски сообразителен – знаешь, что в одиночку мне его не осилить. Он держал меня на прицеле, а стреляет он без промаха.

Коперник прикрыл один глаз и одобрительно прищурился.

– Дальше, приятель. Мне тоже это пришло в голову. Я еще немножко потянул время, чтобы было больше похоже на правду. Потом медленно заговорил:

– Есть один паренек, который пошел на грабеж в Бойл-Хайтс. Ничего у него не вышло. Грошовой дело на бензоколонке. Я знаю его семью. Вообще-то он парень неплохой. Пришел ко мне просить денег на железнодорожный билет. Когда раздался стук, он спрятался – вон туда.

Я показал на дверь возле откидной кровати. Коперник медленно повернул голову туда, потом обратно.

– И у этого парнишки был пистолет, – сказал он. Я кивнул.

– Он зашел сзади. Для такого нужна смелость. Ты должен дать парню шанс.

Не впутывай его в это дело.

– В полиции знают про этого парня? – осторожно осведомился Коперник.

– вроде бы пока еще нет. Он боится, что узнают. Коперник улыбнулся.

– Я расследую убийства, – заявил он. – Остальное меня не касается.

Я указал на скованного человека с заткнутым ртом.

– Ведь это ты его задержал, верно? – ласково спросил я.

Коперник продолжал улыбаться. Большим белесым языком он лизнул толстую нижнюю губу.

– Как я это сделал? – прошептал он.

– Пули достали из Уолдо?

– Конечно. Двадцать второй калибр. Одна расплющилась о ребро, одна целая.

– Ты человек аккуратный. Ничего не оставляешь без внимания. Обо мне толком ничего не знаешь. Вот и зашел проверить, какого калибра у меня оружие.

Коперник встал и снова опустился на одно колено возле убийцы.

– Слышишь меня, парень? – спросил он, пригнувшись к нему поближе, Тот издал невнятный звук. Коперник встал и зевнул.

– Какого черта! Кто его вообще будет слушать? Давай дальше, приятель.

– Ты не ожидал у меня ничего такого найти, но хотел посмотреть, как я живу. И пока ты там возился, – я указал на гардеробную, – а я помалкивал – может, немножко обиделся – в дверь постучали. Он вошел. А немного погодя ты подкрался сзади и схватил его.

– Ага, – Коперник широко ухмыльнулся, показав лошадиные зубы. – Заметано, приятель. Я дал ему в челюсть, потом коленкой и задержал. У тебя оружия не было, а парень полез на меня всерьез, ну, я ему и показал, где раки зимуют.

О'кей?

– О'кей, – отвечал я.

– Так и расскажешь в полиции?

– Ага, – отвечал я.

– Я тебя не выдам, приятель. Если со мной по-хорошему, я всегда пойду навстречу. Не беспокойся насчет того парнишки. Дай знать, если надо будет его выручить.

Он подошел и протянул руку. Я ее пожал. Она была влажная и липкая, как дохлая рыба. От влажных рук и от людей с такими руками меня тошнит.

– Только вот что еще, – сказал я. – Напарник твой – Ибарра. Не обидится он, что ты его не взял с собой?

Коперник вытер ленту внутри своей шляпы большим желтоватым шелковым платком.

– Италияшка-то? – оскалился он. – Да пошел он к черту! – Он подошел ко мне вплотную, дыша мне в лицо. – Значит, чтоб без ошибок, приятель, – так и будем рассказывать.

У него пахло изо рта. У таких, как он, всегда пахнет.

Глава 4

В кабинете, где Коперник докладывал о своей победе, нас было пятеро: стенографист, Коперник, Ибарра, их начальник и я. Ибарра покачивался на стуле у стены. Шляпа у него была надвинута на глаза, но не могла скрыть их мягкого блеска, в углах четко очерченных губ играла слабая улыбка. Он избегал смотреть Копернику в глаза. Коперник не глядел даже в его сторону.

Чуть раньше в коридоре сделали снимки: Коперник пожимает мне руку, Коперник в шляпе, с револьвером в руке, с суровым, сосредоточенным выражением лица.

В полиции мне дали понять, что теперь-то знают, кто такой Уолдо, но мне не скажут. На столе у начальника я видел фотографию Уолдо, снятую в морге.

Прекрасная работа: волосы приглажены, галстук завязан, свет бьет прямо в глаза – и они блестят. Невозможно догадаться, что это снимок

мертвеца с двумя пулями в сердце; прямо король дансинга, решающий, кого выбрать – блондинку или рыжую.

Домой я добрался около полуночи. Парадная дверь была заперта. Пока я искал ключи, что-то шевельнулось в темноте, и я услышал тихий голос.

Она произнесла всего одно слово «пожалуйста», но я ее узнал. Я обернулся и увидел темный «кадиллак» у грузовой площадки. Фары его были погашены. Блеснул свет улицы, отразившись в больших глазах. Я подошел.

– Вы жуткая идиотка, – вымолвил я.

– Садитесь, – ответила она.

Я влез в «кадиллак», машина тронулась с места и проехала полтора квартала по Фрэнклин-стрит, потом свернула на Кингсли. Горячий ветер по-прежнему обжигал кожу и неистовствовал. Из открытого, плотно занавешенного окна большого дома доносилась по радио веселая музыка. Машин здесь было много, но она нашла свободное место позади новехонького «паккарда», у которого с ветрового стекла еще не сняли торговый ярлык.

Притиснувшись к тротуару, она затормозила и откинулась на спинку сиденья, не снимая с руля рук в перчатках.

Сейчас она была вся в черном или в темно-коричневом, в маленькой дурацкой шляпке. Я ощутил знакомый запах духов – сандаловое дерево.

– Неважно я с вами обошлась, да? – спросила она.

– Всего-навсего спасли мне жизнь.

– Что было потом?

– Я позвонил в полицию, немного наврал одному полицейскому, который мне не симпатичен, представил арест как его заслугу – на том дело и кончилось. А парень тот как раз и есть убийца Уолдо.

– Значит... вы им про меня ничего не сказали?

– Мадам, – повторил я, – вы всего-навсего спасли мне жизнь. Ради вас я на все готов...

Она ничего не ответила и не пошевелинулась.

– От меня про вас никто не узнает, – сказал я. – Кстати, я и сам не знаю.

– Меня зовут миссис Фрэнк Барсали, улица Фремонт, дом двести двенадцать, телефон два – сорок пять – девяносто шесть. Вы это хотели узнать?

– Благодарю, – пробормотал я и стал разминать незажженную сигарету. – Но зачем вы вернулись? – Тут я щелкнул пальцами. – Бог ты мой! Шляпа и жакет...

Сейчас же пойду принесу.

– Не только в этом дело, – сказала она. – Мне нужно мое жемчужное ожерелье. – Кажется, я слегка подпрыгнул. Только жемчуга мне сейчас не хватало.

По улице промчалась машина, должно быть вдвое превысив дозволенную скорость. Горькое облачко пыли взметнулось в свете фонарей, завихрилось и растаяло. Она быстро закрыла окно.

– Ладно, – решил я. – Валяйте – про ожерелье. У нас уже есть убийство, загадочная женщина, сумасшедший преступник, героическое спасение и лживый полицейский. Теперь займемся жемчугами. Выкладывайте.

– Я должна была выкупить его за пять тысяч у человека, которого вы называете Уолдо, а я Джозефом Котсом. Ожерелье было при нем.

– Не было никакого жемчуга, – сказал я. – Я видел, что выудили у него из карманов. Много денег, но никакого ожерелья.

– А не мог он спрятать его у себя в квартире?

– Мог, – ответил я. – Насколько мне известно, он мог спрятать ожерелье в любом месте штата Калифорния, кроме своих карманов. Как себя чувствует мистер Барсали в такую жару?

– Он все еще на совещании. Иначе я не смогла бы приехать.

– Почему же... Могли бы привезти его с собой, – заметил я. – На откидном сиденье.

– Ну, не знаю, – откликнулась она. – Фрэнк весит двести двадцать фунтов и выглядит довольно внушительно. Да и зачем ему ехать на откидном сиденье, мистер Марлоу.

– Что за чушь мы несем!

Она не ответила. Руки в перчатках легонько, чуть вызывающе похлопывали по тонкому ободу руля. Я швырнул незажженную сигарету в окно, повернулся и притянул ее к себе.

Когда я ее отпустил, она отодвинулась от меня как можно дальше к дверце и провела перчаткой по губам. Я сидел неподвижно.

Мы помолчали. Потом она очень медленно произнесла:

– Считайте, что я вас на это подбила. Я не всегда была такой. Только с тех пор, как Стэн Филипс погиб в своем самолете. Иначе я бы сейчас была миссис Филипс. Ожерелье подарил мне Стэн. Как-то он сказал, что оно

стоит пятнадцать тысяч. Белый жемчуг, сорок одна жемчужина, самая крупная диаметром примерно треть дюйма. Не знаю, сколько по весу. Я их не оценивала и не показывала ювелирам. Но я их любила из-за Стэна. Я любила Стэна. Так, как любят всего раз в жизни. Можете вы это понять?

– Как мне вас звать? – спросил я.

– Лола.

– Рассказывайте дальше, Лола. – Я вытащил из кармана новую сигарету и стал разминать ее, просто чтобы чем-то занять руки.

– На ожерелье была простая серебряная застежка в виде пропеллера. В самой середине – маленький брильянт. Фрэнку я сказала, что жемчуга поддельные и купила их я сама. Он поверил. Отличить и правда трудно.

Понимаете... Фрэнк довольно ревнив.

В темноте она придвинулась ко мне, чуть коснувшись меня бедром. Но на этот раз я не шевельнулся. Завывал ветер, содрогались деревья. Я по-прежнему мял в пальцах сигарету.

– Наверное, вы читали этот рассказ, – сказала она. – Про жену и жемчуг, как она обманула мужа, сказала, что жемчуг фальшивый.

– Читал, – ответил я, – это Мозм.

– Я взяла на службу Джозефа. Муж тогда был в Аргентине. Мне было очень одиноко.

– Понятно, – сказал я.

– Мы с Джозефом часто катались на машине. Иногда заходили вместе в бар.

Но больше ничего не было. Я не...

– Вы рассказали ему про жемчуг, – прервал я. – И когда ваши двести двадцать фунтов говядины вернулись из Аргентины и вышвырнули его вон, он прихватил с собой ожерелье, потому что знал, что оно настоящее. А потом предложил вам вернуть его за пять тысяч.

– Да, – просто ответила она. – Конечно, я не хотела идти в полицию. И, конечно, в этих обстоятельствах Джозеф не побоялся дать мне свой адрес.

– Бедный Уолдо, – заметил я. – Мне его даже жалко. Надо же было в такой момент нарваться на старого друга, который на тебя имеет зуб.

Я чиркнул спичкой о подошву и прикурил. Табак так высох от горячего ветра, что вспыхнул, словно степная трава. Женщина тихо сидела рядом, снова положив руки на руль.

– Ах уж эти летчики, – сказал я, – погибель для женщин. И вы все еще любите его, или вам так кажется. Где вы хранили ожерелье?

– В шкатулке из русского малахита на туалетном столике. Вместе со всякой бижутерией. Иначе я не могла бы его носить.

– А оно стоило пятнадцать кусков. И вы думаете, что Джозеф спрятал жемчуг у себя в квартире. Тридцать, первая, да?

– Да, – подтвердила она. – Наверное, это слишком большая просьба.

Я открыл дверцу и вылез из машины.

– Эту услугу вы уже оплатили, – сказал я. – Пойду посмотрю. У нас в доме двери не слишком упрямые. Когда полиция обнаружит фотографию Уолдо, то узнает, где он жил, но скорее всего это будет еще не сегодня.

– Это страшно мило с вашей стороны, – заявила она. – Мне ждать здесь?

Я стоял, опершись на дверцу, и смотрел на Лолу. На ее вопрос я не ответил. Просто постоял, вглядываясь в блеск ее глаз. Потом захлопнул дверцу и пошел к Фрэнклин-стрит.

Даже при таком ветре я все еще ощущал запах сандалового дерева от ее волос. И прикосновение ее губ.

Я отпер парадную дверь «Берглунда», прошел через тихий вестибюль к лифту и поднялся на третий этаж. Прокрался по коридору и взглянул на дверь тридцать первой квартиры. Света под ней не было. Я постучал – легко, уверенно, как стучит бутлегер с широкой улыбкой и бездонными карманами.

Никакого ответа. Я вытащил из кармана кусок целлулоида, вставил его между язычком замка и косяком и сильно налег на дверную ручку, нажимая в сторону петель. Замок сухо щелкнул, словно сосулька сломалась. Дверь подалась.

Внутри было темно, только с улицы просачивался свет и кое-где лежали его желтоватые отблески.

Я закрыл дверь, включил свет и постоял, осматриваясь. В квартире был странный запах. Через секунду я его распознал – запах черного табака. В стоячей пепельнице у окна я нашел четыре коричневых окурка ? мексиканские сигареты.

Наверху, у меня на этаже, кто-то встал с постели и отправился в уборную. Было слышно, как спустили воду. Я прошел в ванную. Легкий беспорядок, но здесь ничего не спрячешь. Кухня отняла больше времени, но я уже искал лишь для проформы. Ясно, что в этой квартире никаких жемчугов нет.

Заметно было, что Уолдо собирался в спешке и что-то не давало ему покоя, когда он направлялся под пули своего старого друга.

Я вернулся в гостиную, откинул кровать от стены и заглянул за зеркальную дверь в гардеробную, потом откинул кровать еще больше. Тут я перестал искать ожерелье. Я нашел человека.

Он был невысокий, с седыми висками, очень смуглый, в бежевом костюме с галстуком винного цвета. Аккуратные смуглые руки бессильно свисали по бокам.

Маленькие ноги в остроносых блестящих ботинках почти касались пола.

Он был привязан к металлической спинке кровати ремнем, захлестнутым вокруг шеи. Язык у него был высунут не правдоподобно далеко, я и не знал, что такое бывает.

Все это мне не понравилось, поэтому я задвинул кровать на место, и он уютно устроился там между двумя подушками. Я к нему так и не притронулся. И без того было ясно, что он холодный как лед.

Я вошел в гардеробную и обтер платком дверные ручки. Вещей почти не было – так, всякая мелочь, необходимая одинокому мужчине.

Выйдя оттуда, я все-таки занялся покойником. Бумажника при нем не было.

Уолдо, конечно, забрал его и выбросил. Плоская наполовину пустая коробочка для сигар с надписью золотом: Louis Tapia y Sia, Calle de Paysandu, 19, Montevideo. Спички из клуба «Спецциа». Под мышкой – кобура из грубой темной кожи, в ней маузер тридцать восьмого калибра.

Маузер свидетельствовал о том, что его хозяин профессионал, от этого мне стало как-то легче. Впрочем, не такой уж классный профессионал, иначе его не прикончили бы голыми руками, когда в кобуре спокойно лежало оружие, которым можно стену разнести.

Кое в чем я разобрался, но не до конца. Были выкурены четыре коричневые сигареты, значит, либо он здесь сидел в ожидании, либо они беседовали.

Потом, должно быть, Уолдо схватил человечка за горло и прижал так, что тот через секунду потерял сознание, и толку от его маузера оказалось не больше, чем от зубочистки. Потом Уолдо повесил его на ремне, возможно, уже мертвого.

Из-за этого, видно, Уолдо и спешил забрать из квартиры все свои вещи, а потом нервничал, не застав в условленном месте Лолу. Из-за спешки, кстати, он и машину возле бара оставил незапертой.

Все эти объяснения вполне годились, если человечка убил Уолдо, если это и вправду была квартира Уолдо и вообще если меня не водили за нос.

Я снова стал рыться в карманах убитого. В левом кармане брюк нашел золотой перочинный ножик, несколько серебряных монет. В левом заднем кармане – аккуратно сложенный надушенный платок. В правом – еще один, не сложенный, но чистый. В правом боковом – штук пять бумажных платков. Чистюля... Под бумажными платками был футлярчик с четырьмя новенькими ключами от машины. На нем золотом было написано: "Компания Р. К. Фогельзанг, Инк. Магазины фирмы «Паккард».

Я положил все на место, задвинул кровать, вытер платком ручки, а также другие выступы и поверхности, выключил свет и высунул нос за дверь. Коридор был пуст. Я спустился на улицу и свернул за угол. «Кадиллак» стоял все там же.

Я открыл дверцу и оперся на нее. Лола, казалось, так и не сменила позы.

Выражение ее лица трудно было разглядеть. Да и вообще трудно было что-нибудь разглядеть, кроме ее глаз и подбородка. Легко улавливался лишь запах сандалового дерева.

– От этих духов, – сказал я, – и священник спятит... Жемчуга там нет.

Что ж, спасибо за попытку, – сказала она мягким вибрирующим голосом. Наверное, переживу. Теперь... Нам нужно?.. Или...

– Вы поезжайте домой, – велел я. – И что бы ни случилось – вы меня никогда в жизни не видели. Что бы ни случилось. Возможно, вы меня никогда больше и не увидите.

– Было бы очень жаль.

– Удачи вам, Лола. – Я захлопнул дверцу и отступил.

Вспыхнули фары, заворчал мотор. Большая машина медленно развернулась против ветра и скрылась за поворотом. Я остался стоять на тротуаре.

Уже совсем стемнело. Я стоял и смотрел на багажник новенького «паккарда» – того, что видел и раньше на этом же месте, перед машиной Лолы.

Справа на блестящем ветровом стекле – синяя наклейка, И у меня в голове всплыла связка ключей в футляре с надписью "Магазин фирмы «Паккард», та самая связка, которую я нашел в кармане у мертвеца.

Я обошел машину и осветил наклейку карманным фонариком. Верно – тот самый магазин. Под названием фирмы чернилами – имя и адрес: Эжени Колченко, Западный Лос-Анджелес, Арвиэда, 5315.

Бред какой-то. Я вернулся в квартиру 31, открыл дверь тем же способом, откинул кровать и вынул футляр с ключами из кармана брюк аккуратного смуглого покойника. Через несколько минут я был снова на улице возле машины.

Ключи подошли.

Глава 5

Дом был небольшой, он стоял на краю каньона, окруженный чахлыми эвкалиптами. В доме напротив явно шла вечеринка – из тех, на которых гости непременно выскакивают на улицу и с воплями бьют бутылки о тротуар, словно болельщики после футбольного матча между Иелем и Принстоном.

Дом был огорожен проволочной сеткой, за ней виднелись несколько розовых кустов, мощеная дорожка и гараж – он был пуст, двери распахнуты настежь. Я позвонил. Пришлось довольно долго ждать, потом дверь внезапно распахнулась.

Женщина явно ожидала не меня. Это было понятно по выражению ее блестящих, сильно подведенных глаз. Это была высокая, худая, хищная брюнетка – щеки сильно нарумянены, густые черные волосы уложены на прямой пробор, во рту легко поместится трехслойный бутерброд. На ней была коралловая с золотом пижама, ногти на ногах позолочены. В мочках ушей легонько позвякивали миниатюрные храмовые колокольчики. Она медленно и презрительно повела сигаретой, вставленной в мундштук длиной с бейсбольную биту.

– Ну что такой, молодой человек? Что такой нужно? Заблудился с интересной вечеринка напротив?

– Ха-ха, – сказал я. – Ну и веселье там, да? Нет, я просто пригнал вашу машину. У вас ведь пропала машина?

Во дворе дома напротив кто-то корчился в белой горячке, а квартет смешанного состава рвал остатки вечера в клочья и изо всех сил старался звучать как можно безобразнее. Экзотическая брюнетка и глазом не моргнула.

Ее нельзя было назвать красавицей или даже хорошенькой, но она была из тех женщин, вокруг которых всегда что-то происходит.

– Что вы сказал? – наконец осведомилась она голосом нежным, как подгоревшая корка.

– Вот ваша машина. – Я показал через плечо на «паккард», не спуская с нее глаз.

Длинный мундштук медленно опустился, и из него выпала сигарета. Я шагнул вперед, чтобы наступить на окурок и загасить его, – и так очутился в передней. Женщина попятилась, и я закрыл за собой дверь.

В передней мерцали розовым светом лампы в железных бра. Сзади виднелся занавес из нанизанных на нити бус, на полу лежала тигровая шкура. Все это было в ее стиле.

– Вы мисс Колченко? – спросил я, видя, что она не торопится начать беседу.

– Да-а. Я мисс Колченко. Какой черт вам нужно?

Теперь она смотрела на меня, словно я пришел мыть окна, но перепутал назначенное время.

Я достал визитную карточку и протянул ей. Она прочла ее издали, не двигаясь с места.

– Сыщик? – выдохнула она.

– Ага.

Она сказала что-то на непонятном языке, словно плюнула. Потом продолжала по-английски:

– Входите! Проклятый ветер сушит моя кожа как бумага.

– Мы с вами уже вошли, – сообщил я. – Видите, я даже дверь закрыл.

Кончайте играть в Назимову (Алла Назимова (1879-1945) – американская актриса русского происхождения. Звезда театра и кино). Кто он был – этот маленький человечек?

За занавесом из бус раздался мужской кашель. Мисс Колчеико подскочила, словно уколота. Потом попыталась улыбнуться.

– Заплатить вам? – спросила она. – Вы ждать здесь, ладно? Десять доллар хороший оплата, нет?

– Нет, – сказал я.

Я нацелился на нее указательным пальцем и сообщил:

– Он убит.

Она подпрыгнула фута на три и издала вопль.

Резко скрипнул стул. За занавеской послышались тяжелые шаги, чья-то большая рука отдернула ее, и мы очутились в обществе крупного блондина, весьма сурового на вид. Поверх пижамы на нем был лиловый халат, в кармане которого он что-то сжимал правой рукой. Он стоял

неподвижно, расставив ноги и выпятив челюсть; его бесцветные глаза напоминали серые ледышки. Я подумал, что на футбольном поле мяч у такого отобрать трудновато.

– Что случилось, дорогая? – Голос у него был солидный, уверенный.

– Я насчет машины мисс Колченко, – объяснил я.

– Сперва можно бы и шляпу снять, – заметил он. – Для разминки.

Я снял шляпу и извинился.

– О'кей, – отозвался он, продолжая держать правую руку в лиловом кармане. – Значит, вы насчет машины мисс Колченко. И что дальше?

Я протиснулся мимо женщины и подошел к нему поближе. Женщина отшатнулась к стене. Дама с камелиями из школьной постановки. Длинный мундштук валялся у ее ног.

Когда я очутился в двух метрах от рослого мужчины, он небрежно сказал:

– Я вас и оттуда слышу. Спокойно. У меня в кармане пистолет, и меня научили, как с ним обращаться. Так что там насчет машины?

– Человек, который ее взял, не может вернуть ее обратно, – сказал я и сунул ему в лицо визитку, которую все еще держал в руке. Он взглянул на нее мельком и перевел взгляд снова на меня.

– Ну и что? – спросил он.

– Вы всегда такой грозный? – осведомился я. – Или только когда на вас пижама?

– Так почему он не смог пригнать ее сам? – спросил он. – И без шуточек.

Смуглая женщина издала приглушенный звук где-то у меня за плечом.

– Все в порядке, котик, – сказал мужчина. – Я с этим разберусь. Ну, дальше что?

Женщина проскользнула мимо нас и исчезла за занавесом из бус.

Я немножко подождал. Рослый человек пальцем не шевельнул. Волнения он проявлял не больше, чем жаба, которая греется на солнышке.

– Он не смог ее пригнать, потому что кто-то его прихлопнул, – сказал я. Посмотрим, как вы с этим разберетесь.

– Вот как? И что же, вы привезли его с собой как вещественное доказательство?

– Нет, – отвечал я. – Но если вы наденете галстук и цилиндр, я вас отвезу туда, где он находится.

– Какого черта, да кто вы такой?

– Я думал, может, вы читать умеете. – Я снова подержал перед ним визитку.

– Понятно, – сказал он. – Филип Марлоу, частный детектив. Ну-ну. Так куда я должен с вами ехать и на кого смотреть?

– Может быть, он эту машину украл, – предположил я.

Рослый кивнул.

– Это мысль. Может, и украл. А кто он такой?

– Смуглый человек, у которого в кармане были от нее ключи. Он поставил ее возле дома «Берглунд». Он обдумал это без видимого волнения.

– Что-то вы, конечно, знаете, – заявил он, – Немного. Так, чуть-чуть. У полиции, наверное, сегодня выходной. Вот вы за них и отдуваетесь.

– То есть как?

– На карточке написано «частный сыщик», – сказал он. – А на улице небось полицейские ждут, стесняются зайти?

– Нет, я один.

Он усмехнулся. Сквозь загар у него на лице обозначились светлые морщинки.

– Значит, вы нашли покойника, взяли ключи, сели в машину и прикатили сюда – совсем один. Без полиции. Верно?

– Верно. Он вздохнул.

– Что же, заходите, – пригласил он и отдернул занавес, пропуская меня в комнату. – Может, у вас есть интересные идеи, стоит послушать.

Я прошел мимо него, и он повернулся вслед за мной, придерживая свой тяжелый карман. Тут я заметил у него на лице капли пота. Может быть, он взмок от горячего ветра...

Мы очутились в гостиной, сели и посмотрели друг на друга. На темном полу было разбросано несколько индейских и турецких ковров, которые неплохо смотрелись со слегка потертой мягкой мебелью. Еще здесь был камин, небольшое пианино, китайская ширма, высокий китайский светильник на подставке тикового дерева, а на окнах золотистые сетчатые занавески. Окна, выходявшие на юг, были открыты. Фруктовое дерево с

беленым стволом скрипело от порывов ветра, и этот скрип сливался с шумом вечеринки на противоположной стороне улицы.

Хозяин откинулся в гобеленовом кресле и положил ноги в домашних туфлях на скамеечку. Правую руку он по-прежнему держал в кармане.

Брюнетка маячила в тени. Там что-то булькнуло, звякнули храмовые колокольчики в ее ушах.

– Все в порядке, – лапушка, – сказал мужчина. – Ничего особенного. Кто-то кого-то там пришил, и этот парень считает, что нам это интересно. Садись и не волнуйся.

Женщина запрокинула голову и влила себе в глотку полстаканчика виски.

Она вздохнула, сказала «черт побери», явно никого и ничего не имея в виду, и свернулась калачиком на диване. Ноги у нее были что надо. Из полутемного угла, где она притаилась, поблескивали ее позолоченные ноги.

Я достал сигарету – при этом он, слава богу, не стал в меня стрелять, закурил и начал рассказывать. Не всю правду, так, кое-что. Я сказал им про дом «Берглунд», и что я там живу, и что Уолдо тоже жил там в квартире подо мной, и что у меня как у сыщика были причины за ним наблюдать.

– Какой Уолдо? – осведомился блондин, – И какие причины?

– Мистер, – возразил я, – а у вас разве нет секретов? Он побагровел.

Я рассказал ему про бар напротив и про то, что там случилось. Про набивной жакет «фигаро» и женщину, которой он принадлежал, я не стал рассказывать. Я вообще о ней не сказал ни слова.

– Я работал втихую – так было нужно, – сказал я. – Понимаете? В полиции я никому не сказал, что знал Уолдо. Потом, когда я понял, что они еще не знают, где он жил, я позволил себе осмотреть его квартиру.

– Что же вы искали? – осведомился рослый человек сдавленным голосом.

– Кое-какие письма. Попутно могу сообщить, что там вообще не оказалось ничего – только мертвец. Задушен и подвешен на ремне к спинке откидной кровати – чтоб не сразу нашли. Невысокий, лет сорока пяти, похож на латиноамериканца, хорошо одетый, в бежевом...

– Хватит, Марлоу, – сказал рослый. – Считайте, что я клюнул. Вы расследовали дело о шантаже?

– Ага. Самое смешное, что у этого смуглого человечка под мышкой была приличная пушка.

– А у него в кармане случайно не было пятисот долларов, двадцатками? Не заметили?

– Не было. Но при Уолдо, когда его убили в баре, было больше семисот наличными.

– Да, не думал я, что этот Уолдо такой шустрый, – спокойно заметил мой собеседник. – Пришиб моего парня, и выкуп забрал, и на пушку не посмотрел.

Уолдо был вооружен?

– При нем оружия не нашли.

– Дай нам выпить, солнышко, – распорядился рослый. – Да, промахнулся я с этим Уолдо на целую милю.

Брюнетка подала нам виски с содовой и со льдом. Сама приняла еще порцию неразбавленного и снова свернулась на диване, устремив на меня мрачный взгляд блестящих черных глаз.

– Ваше здоровье, – сказал рослый, приветственно подняв стакан. – Я никого не убивал, но теперь мне грозит бракоразводный процесс. Вы, по вашим словам, тоже никого не убивали, но вляпались в историю с полицией. Что за чертова жизнь – сплошные неприятности, куда ни кинь. У меня-то хоть есть вот это солнышко. Она русская, познакомились мы в Шанхае. Надежная, как сейф, а вид такой, будто глотку тебе перережет ни за грош. Это мне в ней и нравится.

Полна обаяния, и никакого риска.

– Глупости говоришь, – уронила женщина.

– Вы, на мой взгляд, вроде как ничего, – продолжал рослый, не обращая на нее внимания. – Хоть и легавый. Выход есть какой-нибудь?

– Есть. Но будет стоить денег.

– Так я и думал. Сколько?

– Скажем, еще пятьсот.

– Черт побрал этот горячий ветер, он меня сушит как пепел от любовь, грустно объявила русская.

– Пятьсот – это можно, – сказал блондин, – и что я буду за это иметь?

– Если у меня получится, про вас никто не узнает. Если нет – вы ничего не платите.

Он задумался. Лицо у него сделалось морщинистым и усталым. Бусинки пота поблескивали в коротких светлых волосах.

– Об убийстве вам придется рассказать в полиции, – проворчал он. – Я имею в виду, об этом втором убийстве. И я так и не выкупил то, что хотел. Если бы все было шито-крыто, я бы хотел получить это прямо из первых рук.

– Кто был смуглый человек? – спросил я.

– Леон Валенсанос, он уругваец. Это я его сюда импортировал. Мне по работе приходится много ездить. Служил он в клубе «Спецциа» на «Жулик-стрит»

– знаете, это Сансет-бульвар рядом с Беверли Хиллз. Он был, по моему, крупье. Я дал ему пятьсот долларов, чтобы он пошел к этому... этому Уолдо и выкупил у него счета за вещи, которые приобретала для себя мисс Колченко, а оплачивал я. Сглупил я, верно? Я хранил счета в портфеле, и этот Уолдо сумел их стащить. Как, по-вашему, что там между ними произошло?

Я отхлебнул из стакана.

– Возможно, ваш уругвайский приятель нагрубил Уолдо, и тот завелся.

Тогда, наверное, уругваец решил, что маузер – самый лучший аргумент, но тут Уолдо его опередил. Я бы не сказал, что Уолдо был настоящим убийцей.

Шантажисты обычно не такие. Может, он просто разозлился и не рассчитал – слишком сильно вцепился вашему парню в горло. Тут ему стало ясно, что надо скорее смываться. Но у него была назначена еще одна встреча – тут ему тоже должны были заплатить. Он стал носиться по окрестностям в поисках этого человека. И случайно налетел на бывшего приятеля, который оказался такой злой и такой пьяный, что с ходу его прикончил.

– Чертовски много совпадений во всей этой истории, – сказал рослый.

– Ветер горячий, – усмехнулся я. – Все сегодня словно спятили.

– И за мои пятьсот долларов вы ничего не гарантируете? Значит, если обо мне узнают, я вам ничего не должен. Верно?

– Верно, – подтвердил я, сердечно улыбаясь.

– Спятели все – это точно, – сказал он и осушил свой стакан. – Тут я не спорю.

– Только вот еще что, – мягко сказал я, подавшись вперед. – Уолдо оставил возле бара, где его убили, незапертую машину и мотор не выключил – чтобы сразу удрать. В ней сбежал убийца. Тут можно всего ожидать. Понимаете, наверное, все пожитки Уолдо были в этой машине.

– В том числе мои счета и ваши письма.

– Вот именно. Правда, с полицией в таких случаях можно сговориться – если вы им не годитесь для большой рекламы. Если не годитесь – я как-нибудь их обведу вокруг пальца. Если годитесь – тогда дело другое. Как, вы сказали, вас зовут?

Ответа пришлось ждать долго. Дождавшись же, я вовсе не обрадовался, хотя все сразу и стало на свои места.

– Фрэнк Барсали, – сказал он.

Немного погодя его русская подруга вызвала мне такси. Когда я уезжал, вечеринка напротив приближалась к кульминации. Впрочем, стены дома еще не рухнули.

Глава 6

Отпирая застекленное парадное «Берглунда», я учуюл полисмена. Я глянул на свои часы, было почти три часа ночи. В темном углу вестибюля на стуле дремал человек, прикрыв лицо газетой и вытянув здоровенные ноги. Уголок газеты ритмично вздымался и падал.

Я прошел к лифту и поднялся к себе. Прокрался по коридору, отпер свою дверь, распахнул ее и протянул руку к выключателю.

Цепочка висячего выключателя звякнула, и вспыхнул торшер возле кресла, рядом со столиком, на котором по-прежнему валялись шахматные фигурки.

Коперник развалился в кресле. На лице его застыла неприятная усмешка.

Невысокий смуглый Ибарра сидел напротив него, слева от меня, молча, со своей обычной улыбочкой.

Коперник оскалил желтые лошадиные зубы и сказал:

– Привет. Давненько не видались. С девушками гуляешь?

Я закрыл дверь, снял шляпу и медленно вытер затылок.

Коперник по-прежнему усмехался. Ибарра смотрел в пространство спокойными темными глазами.

– Присаживайся, приятель, – пригласил меня Коперник. Располагайся как дома. Давай кой-чего обсудим. До чего ж я ненавижу эту ночную работенку. Ты знаешь, что у тебя выпивка кончается?

– Догадываюсь, – сказал я и прислонился к стене. Коперник продолжал усмехаться.

– Всегда терпеть не мог частных сыщиков, – заявил он, – но такого шанса с ними поквитаться, как сегодня, мне еще не выпадало.

Он лениво протянул руку вниз, поднял с пола набивной жакет «фигаро» и бросил его на столик. Снова потянулся и выложил рядом широкополую женскую шляпу.

– Здорово тебе, наверное, идут эти вещички, – сказал он.

Я взял стул, повернул его и оседлал. Положил скрещенные руки на спинку и посмотрел на Коперника.

Он очень медленно встал – нарочито медленно подошел ко мне и остановился, одергивая пиджак. Потом вскинул правую руку и ударил меня открытой ладонью наискось по лицу, очень сильно. Было больно, но я не шелохнулся.

Ибарра смотрел на стену, или в пол, или вообще никуда.

– Стыдно, приятель, – лениво произнес Коперник. – Что ж ты так обращаешься с такими шикарными тряпками? Засунул под свои старые рубашки.

Тошнит меня от вас, мелких легашей...

Он еще немного постоял надо мной. Я молчал и не двигался. Смотрел в его стеклянные глаза пьяницы. Он стиснул было кулак, потом пожал плечами, повернулся и пошел к креслу.

– О'кей, – сказал он. – Пока хватит с тебя. Где ты взял эти вещи?

– Это вещи одной женщины.

– Ну да. Одной женщины. Ах ты, нахальный ублюдок! Я тебе скажу, какой женщины. Той самой, про которую парень по имени Уолдо спрашивал в баре напротив – всего за две минуты до того, как его пристрелили. Про это ты позабыл, верно?

Я ничего не ответил.

– Ты ведь и сам ею интересовался, – ухмыльнулся Коперник. – Ишь какой умник. Одурачил меня.

– Для этого большого ума не надо, – сказал я.

Лицо у него внезапно исказилось, и он начал было вставать на ноги.

Ибарра неожиданно засмеялся, негромко, словно про себя. Взгляд Коперника метнулся к нему и застыл. Потом он снова повернулся и посмотрел на меня мягко и вкрадчиво.

– Ты итальяшке по душе пришелся, – сообщил он. – Молодцом тебя считает.

С лица Ибарры сошла улыбка, и оно приняло отсутствующее выражение.

Совершенно отсутствующее.

Коперник сказал:

– Ты с самого начала знал, кто эта дамочка. Ты знал, кто такой Уолдо и где он живет. Этажом ниже, верно? Ты знал, что этот самый Уолдо кое-кого прикончил и собрался смуться, но эта бабенка тоже как-то входила в

его планы, и ему позарез надо было с ней встретиться до отъезда. Только у него не вышло. Помешал бандит с восточного побережья по имени Эл Тессилоре. Он убрал Уолдо. Тогда ты встретился с дамочкой, спрятал ее одежду, отправил ее домой и запер свою пасть на замок. Вот как ваш брат себе зарабатывает на жизнь. Верно говорю?

– Верно, – сказал я. – Только все это я узнал совсем недавно. Кто такой Уолдо?

Коперник оскалился. На желтоватых скулах у него вспыхнули красные пятна. Ибарра, глядя в пол, проговорил:

– Уолдо Рэтиган. Нам сообщили из Вашингтона по телетайпу. Грошовый грабитель, отсидел несколько мелких сроков. При ограблении банка в Детройте был шофером. Потом продал всех, за это с него сняли обвинение. Эл Тессилоре был из этой же шайки. Пока он молчит, но думается, что в баре они встретились чисто случайно.

Ибарра говорил мягким, спокойным, хорошо модулированным голосом, как человек, взвешивающий свои слова. Я сказал:

– Спасибо, Ибарра. Курить можно – или Коперник у меня ногой вышибет сигарету изо рта? Ибарра внезапно улыбнулся.

– Конечно, можешь курить, – сказал он.

– Нравишься ты итальяшке, точно, – издевательски протянул Коперник. – С итальяшкой никогда не угадаешь, кто ему понравится.

Я закурил. Ибарра взглянул на Коперника и очень мягко сказал:

– С «итальяшкой» ты перебарщиваешь. Мне не слишком нравится, когда меня так называют.

– Плевал я на это, итальяшка.

Ибарра улыбнулся шире.

– Делаешь ошибку, – сказал он. Потом вынул карманную пилку и занялся своими ногтями, опустив глаза.

Коперник рявкнул:

– Я с самого начала в тебе гниль учуял, Марлоу. Так что, когда установили личности этих двоих, мы с Ибаррой решили заскочить и еще немножко с тобой поболтать. Я захватил карточку Уолдо из морга – хорошая работа, глаза блестят, галстук на месте, белый платочек в кармане. Хорошая работа.

По пути на всякий случай навестили управляющего этим домом, сунули ему фото под нос. Ну, он и узнал этого парня. Жил здесь в тридцать первой квартире под именем А. Хаммел. Мы – туда, а там покойничек. Начали мы им заниматься.

Никто его пока не опознал, но на горле у него славные синяки от пальцев, говорят, замечательно они подходят к отпечаткам Уолдо.

– Это уже кое-что, – заметил я. – А то я подумал – вдруг это я его убил.

Коперник уставился на меня и смотрел долго. Усмешка сошла у него с лица, и оно стало просто грубым и жестоким.

– И еще кое-что мы откопали, – сообщил он. – Теперь у нас в руках машина Уолдо – а в ней все, что он собирался забрать с собой.

Я выдохнул дым в несколько приемов. Ветер колотился в закрытые окна.

Воздух в комнате был спертый.

– Мы тоже не дураки, – ухмыльнулся Коперник. – Правда, от тебя такого нахальства не ожидали. Гляди.

Он запустил костлявую руку в карман, медленно достал что-то длинное и блестящее и бросил на зеленое сукно карточного столика. Это была нитка белого жемчуга с застежкой в форме пропеллера. Жемчуг слабо мерцал в густом дымном воздухе.

Ожерелье Лолы Барсали. Жемчуга, что подарил ей летчик. Парень, который погиб, которого она до сих пор любит.

Я смотрел на ожерелье не шевелясь. После долгой паузы Коперник сказал, почти печально:

– Красота, верно? Ну, не хотите ли нам что-нибудь рассказать, мистер Марлоу?

Я встал, оттолкнул от себя стул, медленно прошелся по комнате и остановился, глядя на жемчуг. Самая крупная бусина была, вероятно, треть дюйма диаметром. Все жемчужины чисто белые, переливчатые, налитые. Я медленно поднял ожерелье со столика. На ощупь жемчуг был тяжелый, гладкий, нежный.

– Красота, – сказал я. – Сколько из-за них беды. Да, теперь я все расскажу. Они стоят, наверное, кучу денег. За моей спиной засмеялся Ибарра.

– Около ста долларов, – сказал он. – Отличная подделка, но все-таки подделка.

Я снова приподнял нитку. Коперник злорадно пожирал меня стеклянными глазами.

– А ты откуда знаешь? – спросил я.

– Разбираюсь в жемчуге, – ответил Ибарра. – Эти вот хорошего качества – женщины часто такие заказывают для подмены настоящих. Но они скользкие, как стекло. Настоящие жемчужины шероховатые – попробуй сам на зуб.

Я прикусил две-три бусины и подвигал зубами – взад-вперед, потом вбок.

Они были твердые и скользкие.

– Вот так. Очень хорошие, – повторил Ибарра. – На них даже есть выпуклости и плоские места, как на настоящих.

– А такие же настоящие – стоили бы они пятнадцать тысяч? – спросил я.

– Возможно. Трудно сказать. Зависит от качества.

– Ловкач был этот Уолдо, – заметил я.

Коперник вскочил, но я не заметил, как он размахнулся. Я все еще смотрел на жемчуг. Удар кулаком пришелся мне по лицу, сбоку, там, где коренные зубы. Я сразу ощутил вкус крови. Пошатнулся и притворился, что удар сильнее, чем на самом деле.

– Садись и рассказывай, сволочь! – прошипел Коперник.

Я сел, прижав к щеке платок. Полизал ранку во рту. Потом встал, пошел и подобрал сигарету, которую он вышиб. Раздавил ее в пепельнице и снова сел.

Ибарра продолжал подпиливать ногти. На бровях у Коперника, ближе к переносице, виднелись капельки пота.

– Вы нашли бусы в машине Уолдо, – сказал я, глядя на Ибарру. – А бумаги какие-нибудь там были? Ибарра покачал головой, не поднимая глаз.

– Тебе, пожалуй, поверю, – сказал я. – Ну, так вот. Я в жизни раньше не видел Уолдо, пока он не вошел сегодня в бар и не спросил про женщину. Я ничего от вас не скрывал. Когда я вернулся домой и вышел из лифта, эта женщина в набивном жакете «фигаро», широкополой шляпе и синем платье из шелкового крепа – все, как он описал – ждала лифт у меня на площадке. Мне она показалась порядочной.

Коперник издевательски хохотнул. Мне это было все равно. Я его уже прижал к ногтю. Надо было только, чтобы он это осознал. Сейчас, очень скоро, осознает.

– Я знал, с чем ей придется столкнуться, если ее вызовут свидетелем в полицию, – продолжал я. – И подозревал, что тут дело нечистое. Но ни на минуту не думал, что она к этому имеет отношение. Просто славная женщина попала в беду – к тому же сама она этого даже не понимала. Я привел ее сюда. Она навела на меня пистолет. Но стрелять не собиралась.

Коперник внезапно выпрямился и стал облизывать губы. Лицо у него окаменело и стало похоже на сырой серый камень. Он не проронил ни звука.

– Уолдо раньше служил у нее шофером, – продолжал я. – Звали его тогда Джозеф Котс. Ее зовут миссис Фрэнк Барсали. Ее муж – крупный инженер-гидроэлектрик. Эти жемчуга ей подарил любимый человек, а она сказала мужу, что это дешевая подделка из универмага. Уолдо как-то все разнюхал и, когда Барсали вернулся из Южной Америки и выгнал его за слишком смазливую морду, прихватил жемчуг с собой.

Ибарра внезапно поднял голову, блеснули зубы.

– То есть он не знал, что жемчуг поддельный?

– Я думал, что он сбыл настоящее ожерелье и подменил его фальшивым, сказал я. Ибарра кивнул.

– Возможно.

– Он прихватил и еще кое-что, – сказал я. – Бумаги из портфеля у Барсали, из которых ясно, что он содержит любовницу в Брентвуде. Уолдо шантажировал обоих – мужа и жену, а они ничего не знали друг о друге. Это понятно?

– Понятно, – процедил Коперник хрипло, еле разжав губы. Лицо у него было по-прежнему, как сырой серый камень. – Валяй дальше, черт бы тебя побрал.

– Уолдо их не боялся, – сказал я. – Не скрывал, где живет. Это было глупо, но, раз уж он пошел на риск, избавляло от лишних хлопот. Сегодня миссис Барсали приехала сюда, чтобы выкупить свой жемчуг за пять тысяч.

Она не нашла Уолдо. Поднялась к нему в квартиру, а потом этажом выше, чтобы спуститься на лифте. Женское представление о конспирации. Так мы и встретились. Я привел ее к себе. Она-то и была в гардеробной, когда явился Эл Тессилоре, чтобы убрать свидетеля. – Я указал на дверь в гардеробную. – Она вышла со своим пистолетиком, ткнула его Элу в спину и спасла мне жизнь.

Коперник не шелохнулся. В лице у него появилось что-то жуткое. Ибарра вложил пилку в кожаный футлярчик и медленно засунул его в карман.

– Это все? – мягко спросил он. Я кивнул.

– И вот что еще – она назвала мне номер квартиры Уолдо, и я отправился туда искать жемчуг. А нашел мертвеца. В кармане у него был футляр из магазина «Паккард» с новыми ключами от машины. А на улице я нашел этот «паккард» и отвез его владельцу. Любовнице Барсали. Барсали послал сюда своего дружка из клуба «Спецциа» кое-что выкупить, а тот попытался это сделать не за деньги, которые ему дал Барсали, а с помощью пушки. Но тут Уолдо его обскакал.

– Это все? – тихо спросил Ибарра.

– Все, – ответил я, зализывая изнутри пораненную щеку.

Ибарра задумчиво осведомился:

– Что нужно тебе?

Лицо Коперника исказилось, и он хлопнул себя по длинной твердой ляжке.

– Ну и молодец этот парень, – пролаял он. – Покупается на бабу и нарушает все до единого законы – а ты спрашиваешь, чего ему нужно! Я ему выдам, что положено, итальяшка!

Ибарра медленно повернул голову и взглянул на него.

– Не думаю, – сказал он. – Ты ему можешь выдать только справку о состоянии здоровья, а в придачу все, чего он захочет. Он преподавал тебе урок полицейской работы.

Коперник молча застыл на целую минуту. Никто из нас не шевелился. Потом Коперник подался вперед, и пиджак у него распахнулся. Из кобуры под мышкой выглядывала рукоятка служебного пистолета.

– Так что тебе нужно? – спросил он меня.

– То, что лежит на столе. Жакет, шляпа и поддельный жемчуг. И чтобы некоторые фамилии не попали в газеты. Много я прошу?

– Да, много, – сказал Коперник почти ласково. Он качнулся вбок, и пистолет сам собой вскочил ему в руку. Он уперся локтем в бедро и направил пистолет мне в живот.

А мне нужно, чтобы ты получил пулю в брюхо при сопротивлении аресту, сообщил он. – Мне это нужно из-за моего рапорта о том, как я задержал Эла Тессилоре. Из-за моих фотографий, которые напечатаны в утренних газетах. Мне нужно, чтобы ты не дожид до того дня, когда тебе вздумается над этим позубоскалить.

Во рту у меня внезапно стало жарко и сухо. Издали доносились порывы ветра. Они звучали как пушечные выстрелы.

Ибарра поерзал ногами по полу и холодно сказал:

– Оба твоих дела теперь закрыты, лейтенант. Все, о чем тебя за это просят – оставить здесь это барахло и не называть газетчикам кое-каких имен.

То есть не называть их окружному прокурору. Если он все же их узнает, тебе будет плохо.

Коперник сказал:

– Мне больше нравится по-другому. – Пистолет, отливавший синевой, не шелохнулся у него в руке. – И можешь молиться богу, если ты меня продашь.

Ибарра заметил:

– Если найдут эту женщину, выяснится, что ты подал фальшивый рапорт и обманул собственного напарника. Через неделю в полиции твое имя и вспоминать-то перестанут – от него всех будет тошнить.

Раздался щелчок взведенного курка, и я увидел, как палец Коперника скользнул на спусковой крючок.

Ибарра встал. Пистолет метнулся в его сторону. Он произнес:

– Сейчас увидишь, какие трусы итальяшки. А ну-ка, спрячь пушку, слышишь, Сэм.

Он двинулся вперед. Сделал четыре ровных шага. Коперник сидел не дыша, словно каменная статуя.

Ибарра сделал еще шаг, и внезапно пистолет затрясся.

Ибарра спокойно сказал;

– Убери его, Сэм. Не теряй голову, и все останется как было. Потеряешь – сам себя угробишь.

Он сделал еще шаг. Коперник разинул рот, глотнул воздуха и сразу обмяк в кресле, словно его ударили по голове. Глаза у него закатились.

Ибарра так быстро выхватил у него пистолет, что я не уследил, и отступил назад, держа оружие в опущенной руке.

– Это все из-за ветра, Сэм. Забудем об этом, – произнес он все тем же ровным, даже учтивым тоном.

Плечи у Коперника дрогнули, и он зарылся лицом в ладони.

– Ладно, – промычал он сквозь пальцы. Ибарра неслышно пересек комнату и открыл дверь. Он лениво посмотрел на меня из-под опущенных век.

– Я бы тоже все сделал для женщины, которая спасла мне жизнь, – сказал он. – Верю в твою байку, но, как полицейскому, она, конечно, мне не нравится.

Я ответил:

– Человечка, повешенного на кровати, зовут Леон Валесанос. Он был крупье в клубе «Спецциа».

– Спасибо, – откликнулся Ибарра. – Пошли, Сэм.

Коперник тяжело поднялся, прошел по комнате и исчез за дверью. Ибарра переступил вслед за ним через порог и стал закрывать дверь.

Я сказал ему:

– Подожди-ка.

Он медленно повернул голову, держась левой рукой за дверь. В правой у него болтался синеватый пистолет.

– Я это сделал не ради денег, – сказал я. – Барсали живут на Фремон-плейс, дом 212. Можешь отъезди ей жемчуг. Если имя Барсали не попадет в газеты, я получу пять сотен. Они пойдут в Фонд полиции. Не такой уж я хитрый, как ты думаешь. Просто так все вышло – а у тебя напарник оказался сволочью.

Ибарра взглянул издали на жемчуг, лежавший на столике. Глаза у него блеснули.

– Сам забирай ожерелье, – сказал он. – Пять сотенных – это неплохо. Фонду пригодятся.

Он тихо прикрыл дверь, и через секунду я услышал, как хлопнула дверца лифта.

Глава 7

Я открыл окно, высунул голову наружу и посмотрел, как отъезжает полицейская машина. Ветер не унимался. Со стены упала картинка, со столика скатились две шахматные фигуры. Жакет «фигаро» Лолы Барсали затрепетал на сквозняке.

Я сходил в кухню, выпил виски, вернулся в гостиную и позвонил ей, несмотря на поздний час.

Она подошла к телефону сама, очень быстро. Голос был совсем не сонный.

– Это Марлоу, – сказал я. – У вас все в порядке?

– Да... да, – отвечала она. – Я одна.

– Я тут кое-что нашел, – сообщил я. – Вернее, не я, а полиция. Но ваш брюнетик вас надул. У меня лежит нитка жемчуга. Он поддельный. Наверное, Уолдо продал настоящий, а для вас заказал фальшивый, с той же застежкой.

Она долго молчала. Потом тихонько спросила:

– Его нашла полиция?

– Да, в машине Уолдо. Но они никому не скажут. Мы заключили сделку.

Загляните утром в газеты ? поймете какую.

– Больше, наверное, не о чем говорить, – сказала она. – Можно мне получить застёжку?

– Да. Можете встретиться со мной завтра в четыре часа, в баре клуба «Эсквайр»?

– Вы в самом деле очень добры, – произнесла она устало. – Могу. Фрэнк все еще на совещании.

– Ох уж эти совещания, – заметил я, и мы попрощались.

Я позвонил по номеру, который дал мне Барсали. Он был все еще там, у мисс Колченко.

– Утром можете послать мне чек на пятьсот долларов – сообщил я ему. Если хотите, укажите, что это в Фонд помощи полиции. Деньги пойдут туда.

Коперник попал в утренние газеты на третью полосу – два фото и целых полстолбца текста. Смуглый человечек из квартиры 31 не попал в газеты вовсе.

У Ассоциации домовладельцев тоже есть хорошие связи.

Я вышел на улицу после завтрака. Ветер внезапно стих. Было прохладно, слегка туманно. Небо было низкое и серое. Я доехал до бульвара, нашел лучший ювелирный магазин и выложил нитку жемчуга на

черный бархат под голубоватой лампой дневного света. Человек в тугом воротничке и полосатых брюках бросил на нее равнодушный взгляд.

– Ваше мнение? – осведомился я.

– Извините, сэр. Не оцениваем. Могу дать адрес оценщика.

– Не разыгрывайте меня, – сказал я. – Это подделка. Он поправил лампу, наклонился и повертел бусы в пальцах.

– Мне нужна точно такая нитка, с этой застежкой, срочно, – сказал я.

– Как это – точно такая? – Он не поднял головы. – Это все-таки богемское стекло.

– О'кей, можете вы сделать дубликат? Он покачал головой и отодвинул бархатную подставку, словно боялся запачкаться.

– Месяца за три. У нас в стране такого стекла не выдувают. Если хотите точно такое – по крайней мере три месяца. А наша фирма вообще этим не занимается.

– Разборчивая у вас фирма, – сказал я. Под его черный рукав я подсунул свою визитную карточку. – Давайте адрес, где сделают – пусть не точно такое, но поскорее.

Он пожал плечами, ушел с карточкой, через пять минут вернулся и отдал ее обратно. На обороте было что-то написано.

Лавка старьевщика находилась на Мелроуз-авеню. Чего только не было в ее витрине; детская складная коляска и французский охотничий рог, перламутровый лорнет в выцветшем плюшевом футляре и шестизарядный револьвер сорок четвертого калибра, какие все еще изготавливают для полисменов с Запада, чьи деды были рисковыми парнями.

Старик левантинец был при ермолке, двух парах очков и окладистой бороде. Он обследовал жемчуг, грустно кивнул и заявил:

– За двадцать долларов почти такие же. Не совсем такие, вы же понимаете. Стекло будет похуже.

– Как они будут смотреться?

Он развел крепкими сильными руками.

– Скажу вам правду. Даже младенец, и тот разберется.

– Делайте, – велел я. – С этой же застежкой. А эти мне вернете.

– Через два часа, – обещал он.

* * *

Леон Валесанос, смуглый маленький уругваец, попал в дневные газеты. Его нашли повешенным в квартире, номер которой не указывался. Полиция начала расследование.

В четыре часа я вошел в длинный прохладный бар клуба «Эсквайр» и нашел кабинку, где в одиночестве сидела женщина. На ней была шляпа вроде мелкой обеденной тарелки с очень широкими краями, коричневый костюм, строгая блузка мужского покроя, галстук.

Я сел рядом.

Она взглянула на меня усталыми темными глазами. В руках она вертела тонкий стакан, от которого пахло мятой.

– Спасибо. – Она была очень бледна.

Я заказал виски с содовой, официант отошел.

– Читали газеты?

– Да.

– Теперь поняли насчет этого Коперника, который украл ваш эстрадный номер? Вот почему они ничего не изменили в его рассказе и не вызвали вас.

– Теперь это уже не важно, – сказала она. – Все равно, спасибо вам.

Можно... можно мне на них посмотреть?

В кармане я вытащил нитку жемчуга из папиросной бумаги и подвинул к ней через стол. Серебряная застежка-пропеллер блеснула в свете бра. Блеснул и бриллиантик. Жемчужины были тусклые, как белое мыло. Они даже по размеру не совпадали.

– Вы были правы, – безжизненно сказала она. – Это не мой жемчуг.

Подошел официант с моим виски, и она ловко прикрыла ожерелье сумкой.

Когда он отошел, она еще раз медленно перебрала жемчужины, уронила в сумку и улыбнулась мне сухой и вялой улыбкой.

Я встал и крепко уперся рукой в стол.

– Я сделаю, как вы сказали – оставлю себе застежку. Я медленно произнес:

– Вы ничего обо мне не знаете. Вчера вы спасли мне жизнь, и между нами что-то возникло, но всего на секунду. Вы по-прежнему ничего обо мне не знаете. В полицейском управлении есть сыщик по имени Ибарра, симпатичный мексиканец, который нашел жемчуг в чемодане Уолдо. Это на случай, если вы захотите проверить...

Она ответила:

– Не говорите глупостей. Все кончено. Это было просто воспоминание. Я слишком молода, чтобы жить воспоминаниями. Может быть, все к лучшему. Я любила Стэна Филиппса, но его нет... давно нет.

Я смотрел на нее не отвечая.

Она спокойно добавила:

– Утром муж сообщил мне одну новость. Нам придется расстаться. Так что у меня сегодня мало поводов для веселья.

– Мне очень жаль, – неуклюже произнес я. – Что здесь скажешь. Может быть, мы еще увидимся. Может быть, и нет. Я не вашего круга. Желаю удачи.

Я встал. Мы посмотрели друг на друга.

– Вы не притронулись к своему виски, – сказала она.

– Выпейте вы. А то от этого мятного пойла вам станет плохо.

Я постоял еще немного, положил руку на стол.

– Если у вас будут неприятности, – сказал я, – дайте мне знать.

Я вышел из бара, не оглянувшись, сел в машину и поехал по Сансет-бульвару к океану. Кругом в садах было полно почерневшей, увядшей листвы и цветов, сожженных горячим ветром.

Океан был спокоен. Я доехал почти до Малибу, остановился, вышел из машины и сел на большой камень. Прилив только начался. Пахло водорослями. Я посидел, глядя на воду, потом достал из кармана нитку

поддельного жемчуга из богемского стекла, отрезал узелок на конце, и жемчужины по одной соскользнули с нитки.

Держа их в левой руке, я еще немного посидел и подумал. Думать, собственно, было не о чем. Я и так все знал.

– Посвящается памяти мистера Стэна Филиппа, – сказал я вслух. – Любителя пускать пыль в глаза.

Я стал швырять жемчужины одну за другой в чаек, качавшихся на волнах.

Они погружались в воду с всплесками, и чайки взмывали в воздух и пикировали на расходящиеся круги.